

СИСТЕМА СУБЪЕКТОВ В НЕФИКЦИОНАЛЬНЫХ ОПИСАНИЯХ

Ю.В. РОГОВНЕВА

JuVRogovneva@pushkin.institute

канд. филол. наук, доцент
Государственного института
русского языка
им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

Ключевые слова:

*нефикциональный текст,
репродуктивность,
информативность, субъект,
модусная рамка*

DOI: 10.37632/PI.2020.283.6.008

В статье анализируется система субъектов в текстах, описывающих реальную, невымышленную действительность. Соотношение трех типов субъектов (субъект говорящий, субъект модуса и субъект диктума) позволяет описать особенности функционирования языковых средств в нефикциональных текстах, выявить языковые маркеры этих текстов и таким образом определить языковые различия нефикциональности и фикциональности.

Для современной лингвистики характерно обращение к новому языковому материалу, который порождается в условиях новой цифровой эпохи XXI в. Лингвистический анализ этого материала позволяет предложить новые теоретические положения или доказать универсальность уже существующих. Тексты, в которых отражается реальная действительность, тоже привлекают все большее внимание исследователей. Эти тексты могут определяться как нехудожественные в противопоставление произведениям художественной литературы, которые долгое время были предметом исследования в русистике. Мы же будем определять их как нефикциональные, противопоставляя фикциональным.

Нефикциональными мы можем считать тексты, отражающие реальную действительность, в которой находится говорящий. Необходимые условия для этого – коммуникативная ситуация, которая предполагает реальный хронотоп, и коммуникативная цель, задающая говорящему моделирование невымышленного текста. Вместе с тем возникает вопрос, возможно ли определение природы текста по языковым средствам, которые выбирает говорящий. В [3] категория нефикциональности соотносится с репродуктивностью, а категория фикциональности – с информативностью: чем меньше в тексте элементов информативного регистра, тем он нефикциональнее, поскольку информативность предполагает разные степени абстракции, удаленности от актуального момента, обобщение, привлечение элементов знания и т.д., что увеличивает вероятность появления в тексте вымысла.

В лингвистике уже были попытки затронуть проблему языковых показателей нефикциональности и фикциональности. Здесь следует упомянуть теорию К. Хамбургер, к которой в разное время обращались М.Ю. Сидорова [4] и В. Шмид [5]. К. Хамбургер считает, что к показателям фикционального повествования будет относиться детемпорализация времен, фиктивный субъект, глаголы со значением внутренних, ненаблюдаемых процессов в сопряжении с субъектом в 3-м лице – *он почувствовал, он думал* [6]. М.Ю. Сидорова подвергает критике эту теорию, утверждая, что провести четкую границу между фикциональными и нефикциональными текстами невозможно. Очевидно, что и упомянутое нами выше соотношение информативности и репродуктивности с фикциональностью и нефикциональностью соответственно еще нуждается в проверке и, вероятно, не сможет полностью показать разницу между текстами разной природы без учета коммуникативной цели и ситуации, однако поиск объективных (т.е. языковых) показателей нефикциональности продолжается.

В статье мы обратимся к системе субъектов в нефикциональных текстах и проанализируем, может ли их соотношение определить природу

текста. Н.К. Ониненко в «Коммуникативной грамматике русского языка» и других работах предлагает термин **субъектная перспектива высказывания** для обозначения «субъектных сфер, взаимодействие которых организует высказывание и объясняет его функционирование в тексте» [1, 2]. Теория субъектной перспективы была разработана на материале текстов художественной литературы, как и вся теория коммуникативной грамматики. Обращение к текстам нефикциональным показывает, что система субъектов в них проще, чем в фикциональных, поэтому мы не будем привлекать термин Н.К. Ониненко, а назовем интересующий нас предмет анализа **системой субъектов**.

Представляется, что для разделения текстов на фикциональные и нефикциональные достаточно выделить три типа субъектов: S1, S2 и S3, где S1 – это субъект говорящий, автор нефикционального текста, S2 – субъект модуса, S3 – субъект диктума. Взяв за основу критерий фикциональности К. Хамбургер (3-е лицо субъекта + предикат с ненаблюдаемой семантикой), попытаемся показать на примерах случаи соединения субъектов в разных формах и соотношения субъектов диктума и модуса с говорящим в нефикциональных описательных текстах.

1. Я вижу, что рядом со мной сидит Катя.

Модусная рамка с я-говорящим в сопряжении с репродуктивным предикатом с наблюдаемой семантикой, S1 = S2 ≠ S3. Вся конструкция репродуктивная и нефикциональная.

2. Я чувствую, что рядом со мной сидит Катя.

Модусная рамка с я-говорящим в сопряжении с репродуктивным предикатом с ненаблюдаемой семантикой, S1 = S2 ≠ S3. Вся конструкция репродуктивна и нефикциональна, поскольку предикат с семантикой внутреннего ненаблюдаемого состояния сопрягается с я-субъектом.

3. Я помню, что рядом со мной сидела Катя.

Модусная рамка я-говорящего в сопряжении с информативным предикатом с семантикой ментального действия, S1 = S2 ≠ S3. Информативный предикат в модусной рамке дает информативность всей конструкции. В целом полипредикативная конструкция информативна, поскольку информативна модусная рамка. Говорящий сообщает не то, что воспринимает органами чувств в актуальном хронотопе, а то, что он помнит. При этом он переносит хронотоп из актуальной действительности в другое время и пространство. При таком информативном отдалении от актуального хронотопа увеличивается вероятность вымысла, поэтому говорить о нефикциональности конструкции можно только условно, обращаясь к коммуникативной ситуации и цели.

Три примера подтверждают нашу мысль о том, что категория нефикциональности связана с репродуктивностью, соответственно, критерий информативности можно соотнести и с фикциональностью. Однако этот вывод сделан на основе регистровой принадлежности конструкции в целом и не учитывает соотношение в ней субъектов (во всех рассмотренных примерах я-говорящий – это субъект модуса, S1 = S2). Далее рассмотрим варианты соединения разных субъектов с предикатами в модусной рамке и проследим, может ли выбор субъекта показывать природу высказывания, а шире – целого текста.

4. Он сказал, что рядом с ним сидит Катя.

Модусная рамка не-я-говорящего в сопряжении с репродуктивным предикатом с семантикой наблюдаемого речевого действия, S1 ≠ S2 ≠ S3. Говорящий вводит в конструкцию субъект модуса, который производит речевое действие. Вся конструкция репродуктивна и нефикциональна.

4. Он видит, что рядом с ним сидит Катя.

Модусная рамка не-я-говорящего в сопряжении с репродуктивным предикатом с семантикой восприятия, S1 ≠ S2 ≠ S3. В данном случае говорящий субъект вводит в конструкцию субъект модуса, который видит состояние третьего субъекта диктума. Вся конструкция репродуктивна, но оказывается не в ядре, а на периферии нефикциональности, поскольку глагол *видеть* обозначает внутреннее состояние, которое я-говорящий может приписать субъекту диктума. Ср. *Он смотрит на Катю и Он видит Катю*

5. Он почувствовал, что холодает.

Модусная рамка не-я-говорящего в сопряжении с репродуктивным предикатом с семантикой внутреннего, ненаблюдаемого состояния, S1 ≠ S2 ≠ S3. Говорящий вводит субъект модуса, который чувствует изменение состояния окружающей среды. Однако это состояние субъекта модуса не может увидеть я-говорящий: он наблюдает только его внешние проявления. Очевидно, что в целом конструкция фикциональная, хотя и репродуктивная, если мы обращаемся к критерию репродуктивности (в предложении не должно быть ни одной информативной синтаксемы) и определению репродуктивных модусных рамок по Г.А. Золотовой (*я вижу, я слышу, я чувствую*) [1].

Так же определяется природа конструкций с информативными модусными предикатами в сопряжении с 3-м лицом субъекта модуса (*Он помнит, что рядом сидит Катя; Он знает, что Катя – его соседка* и т.д.). Если в сопряжении с я-говорящим эти информативные предикаты выводят всю конструкцию на периферию нефикциональности, то, соединяясь с 3-м

лицом субъекта ($S1 \neq S2$), они показывают фикциональность конструкции.

6. Ты видишь, что рядом сидит Катя.

Модусная рамка не-я-говорящего в сопряжении с репродуктивным предикатом с наблюдаемой семантикой, $S1 \neq S2 \neq S3$. Говорящий вводит ты-субъект модуса, который видит состояние субъекта диктума. Можно сказать, что конструкция сходна с уже разобранный выше 4, однако 2-е лицо субъекта модуса может выступать в нефикциональном диалоге в форме вопроса и при этом условии конструкция будет нефикциональной. Так же можно определить природу конструкции при соединении 2-го лица модуса с информативным предикатом (*Ты чувствуешь, что холодает*).

Выше мы рассмотрели конструкции с эксплицитно выраженной модусной рамкой, которая помогает определить коммуникативный регистр предикативной единицы. Анализ нефикциональных текстов показывает, что модусные рамки появляются не во всех описаниях и нерегулярно. Рассмотрим, как соотносятся субъекты в конструкциях без эксплицитно выраженных модусных рамок: с субъектом модуса и без него.

7. Рядом со мной сидит Катя.

Эксплицитно выраженный субъект модуса, он же – говорящий субъект, актуальный хронотоп, вся конструкция репродуктивна и нефикциональна, $S1 = S2 \neq S3$.

8. Рядом с ним Катя.

Эксплицитно выраженный субъект модуса, о котором сообщает говорящий субъект, актуальный хронотоп, вся конструкция репродуктивна и нефикциональна, $S1 \neq S2 \neq S3$.

9. Он говорит о Кате.

Эксплицитно выраженный субъект модуса, о котором сообщает говорящий субъект, актуальный хронотоп, вся конструкция репродуктивна и нефикциональна, $S1 \neq S2 \neq S3$.

10. Он чувствует усталость.

Эксплицитно выраженный субъект модуса, о внутреннем состоянии которого сообщает говорящий в актуальном хронотопе, конструкция репродуктивная, но фикциональна, поскольку в ее составе 3-е лицо модусного субъекта сопрягается с предикатом с семантикой ненаблюдаемого внутреннего состояния: говорящий не может воспринимать органами чувств внутреннее состояние другого субъекта.

11. Волосы светлые.

Конструкция с невыраженным субъектом модуса репродуктивна, поскольку в ней представлено зрительное восприятие говорящим действительности. Очевидно, что субъект модуса может быть восстановлен в коммуникативной ситуации (ср. *У нее волосы светлые; У меня волосы светлые* и т.д.), однако сама конструкция

при любом субъекте останется репродуктивной и нефикциональной.

12. Волосы ужасные.

Конструкция с невыраженным субъектом модуса, в составе которой есть признаковая синтаксема с оценочным значением, что выводит предикативную единицу за пределы ядра репродуктивности и нефикциональности.

Проанализированные примеры показывают, что мысль К. Хамбургер о фикциональности конструкций, включающих 3-е лицо субъекта в сопряжении с предикатом с ненаблюдаемой семантикой, оказывается верной. Таким образом, 1-е лицо субъекта в составе репродуктивной конструкции будет сигнализировать о нефикциональности конструкции, 3-е лицо с ненаблюдаемым предикатом – о фикциональности. 2-е лицо оказывается на пересечении фикциональности и нефикциональности, поскольку в диалоге оно может давать нефикциональность, а не в диалоге – фикциональность. Соответственно, в волюнтивном и реактивном (вторичных) регистрах 2-е лицо ведет себя так же, как 1-е в первичных (репродуктивном и информативном), а если 2-е лицо появляется в первичных регистрах, то оно будет вести себя так же, как 3-е лицо. Очевидно, что наиболее показательны в этом отношении конструкции с эксплицитно выраженными модусными рамками. Если же они отсутствуют, то их можно восстановить по коммуникативной ситуации или анализировать модусные субъекты в конструкции.

Проведенный анализ нефикциональных описаний человека, места, предмета в разных коммуникативных ситуациях (реальное наблюдение, описание по памяти, описание для интернет-каталога, туристического путеводителя и т.д.) показал, что субъект модуса появляется только в тех текстах, в которых коммуникативное задание предполагало и/или эксплицитировало обозначение позиции говорящего и/или слушающего. Например, в эксперименте по описанию места, соседа по парте и телефона респондентам были озвучены задания: *Опиши-те аудиторию, в которой вы сейчас находитесь / вашего соседа по парте / ваш телефон*. Соответственно, в полученных текстах были обнаружены следующие конструкции: **Я сижу в большой аудитории; Наша аудитория большая; Рядом со мной сидит Маша; У моей соседки светлые волосы; Моя соседка – высокая девушка; Я вижу перед собой телефон; Передо мной лежит; Я вижу предмет**. Эти конструкции нерегулярны в текстах, ими говорящий начинает описание, вводя в текст субъект модуса, который далее может не упоминаться. В описания туристических достопримечательностей тоже включается субъект модуса, поскольку

сам жанр предполагает обращение к потенциальному туристу, в связи с чем в разных частях описания могут появляться такие конструкции: *Теперь мы поднимаемся на вершину холма; Отсюда вы можете видеть долину реки; За поворотом вас ждут домики необычной формы; Поверните налево; В этом павильоне нас встречают обезьяны; Памятник в пяти минутах ходьбы от вашего отеля.* Можно заметить, что в отличие от экспериментальных описаний в путеводителях авторы выбирают субъекты модуса в форме множественного числа 1-го и 2-го лица. Такая тактика обусловлена тем, что автор осматривает достопримечательности вместе с туристами – с одной стороны (мы-субъект), с другой – текст ориентирован не на одного человека, а на группу (вы-субъект). От этих «субъектных» описаний отличаются фрагменты, размещенные в интернет-каталогах магазинов. Эти описания можно назвать «бессубъектными», поскольку копирайтеры представляют только характеристики товаров, не включая в текст субъект модуса: *На карманах потертости; Высокая талия; Корпус черного цвета; Длина – 2,5 м; Ноты корицы и жасмина; Полный, насыщенный вкус.* В таких конструкциях субъект модуса легко восстанавливается с учетом коммуникативной ситуации и цели: это либо сам говорящий, который описывает наблюдаемый предмет действительности, либо слушающий, который знакомится с этим предметом, соответственно, соотношение субъектов может быть либо $S1 = S2 \neq S3$, либо $S1 \neq S2 \neq S3$. В любом из этих случаев конструкция останется нефункциональной, поскольку в ней представлено описание внешних, наблюдаемых качеств предмета. Здесь важно отметить, что это утверждение актуально для описания наблюдаемых характеристик, в то время как, например, репродуктивность вкусовых и обонятельных признаков условна (*полный, насыщенный вкус*). В текстах рекламного характера, размещенных в каталогах, субъекты могут эксплицитно привлекать потенциального покупателя, обращаясь к нему: *Вы чувствуете запах ночи и луны; Вкус напомнит тебе о весне; Элегантная пряжка привлечет его внимание; Нотки яркого сочного цитруса наполнят твоё утро бодростью, которая будет с тобой до вечера.* Подчеркнем, что такие описания приближаются к функциональным художественным, так как в них моделируется действительность, преобладают оценочные языковые средства информативного регистра и в целом – информативные языковые средства. Такая информативная тактика реализует стратегию автора – привлечь

внимание покупателя, представив идеальный образ товара.

Обращение к системе субъектов в нефункциональных текстах позволяет сделать некоторые наблюдения. Очевидно, что для определения функциональности/нефункциональности важно учитывать, во-первых, репродуктивность или информативность конструкции, во-вторых, соотношение в ней субъекта говорящего $S1$ и субъекта модуса $S2$. Конструкция нефункциональна, если она репродуктивна и при этом $S1 = S2$. Если эксплицитно выраженная модусная рамка в ней репродуктивная, то конструкция оказывается в ядре поля нефункциональности. Если же рамка информативная, а диктум остается репродуктивным, то конструкция выходит на периферию нефункциональности. Если же конструкция репродуктивна, но $S1 \neq S2$, то она может быть нефункциональной только при условии наличия предиката с наблюдаемой, внешней семантикой, т.е. предикат должен обозначать видимое, слышимое, воспринимаемое сенсорно говорящим действие или состояние. Если предикат обозначает то, что говорящий не может воспринять сенсорно, конструкция будет функциональной. Таким образом, действительно категория нефункциональности связана с категорией репродуктивности, однако репродуктивность шире и может быть функциональной, т.е. вымышленной, воображаемой – например, репродуктивные фрагменты в художественном произведении или репродуктивное условие задачи по математике.

Эти выводы еще, безусловно, нуждаются в проверке на большем количестве языкового материала. Однако уже на сегодняшнем этапе анализа нефункциональности мы можем, во-первых, утверждать, что главную роль в определении природы предикативной единицы, фрагмента или целого текста играют коммуникативная ситуация и коммуникативная цель, поскольку именно от них зависит распределение субъектов в пределах анализируемого фрагмента; во-вторых, предположить, что конструкция, фрагмент или целый текст будут тем вероятнее нефункциональны, чем проще в них система субъектов. Теория субъектной перспективы высказывания, разработанная Н.К. Онипенко, предлагает 5 субъектных сфер для художественного текста, материал текстов нефункциональных демонстрирует более простую систему субъектов, состоящую из 3 субъектных сфер, одна из которых ($S1$) появляется в текстах нерегулярно и только при определенных условиях. Можно предположить, что выход за пределы трехсубъектной сферы будет выводить текст и за пределы нефункциональности.

Исчерпывающего ответа на вопрос, как объективно (т.е. с помощью анализа языковых средств) отличить нефикциональность от фикциональности, еще нет, хотя алгоритм такого разделения уже можно обозначить. Мы выделяем языковые средства фикциональности, к которым относится информативный регистр и соединение субъекта модуса в 3-м лице и предиката с ненаблюдаемой семантикой. Все, что не отвечает двум названным условиям, мы можем считать нефикциональным. Однако окончательное решение о природе конструкции, фрагмента или текста зависит от коммуникативной цели и коммуникативной ситуации.

Наши наблюдения над организацией языковых средств в нефикциональных текстах в очередной раз показывают, что теория коммуникативных регистров, а в целом – и вся теория коммуникативной грамматики, созданная на материале текстов художественной литературы, нуждается в определенной доработке при применении ее к текстам другой природы. Однако такая доработка логична и естественна для любой теории, которая применяется к новому материалу. Универсальность коммуникативной грамматики заключается в том, что она позволяет своими же методами и инструментами дополнить и обновить уже существующую теорию. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
2. Онипенко Н.К. Теория коммуникативной грамматики и проблемы системного описания русского синтаксиса // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2.
3. Роговнева Ю.В. Нефикциональность и фикциональность в тексте. Нефикциональный текст // Русский язык за рубежом. 2018. № 6.
4. Сидорова М.Ю. Грамматическое единство художественного текста: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.
5. Шмид В. Нарратология. М., 2003.
6. Hamburger K. Die Logik der Dichtung. Stuttgart, 1957.

References

1. Hamburger K. Die Logik der Dichtung. Stuttgart, 1957.
2. Onipenko N.K. Teoriya kommunikativnoj grammatiki i problemy sistemnogo opisaniya russkogo sintaksisa // Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii. 2001. № 2.
3. Rogovneva Yu.V. Nefikcional'nost' i fikcional'nost' v tekste. Nefikcional'nyj tekst // Russkij yazyk za rubezhom. 2018. № 6.
4. Shmid V. Narratologiya. M., 2003.
5. Sidorova M.Yu. Grammaticheskoe edinstvo hudozhestvennogo teksta: Dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2000.
6. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka. M., 1998.

Yu.V. Rogovneva

Pushkin State Russian language Institute
Moscow, Russia

SYSTEM OF SUBJECTS IN NON-FUNCTIONAL DESCRIPTIONS

Non-functional text, reproductivity, informativity, subject, modus frame.

The article analyzes the system of subjects in texts describing real, non-fictional reality. The correlation of three types of subjects (the speaker subject, the modus subject, and the dictum subject) allows us to describe the features of the functioning of language tools in non-fictional texts, identifies the language markers of these texts, and thus determines the language differences between non-fictionality and fictionality.